

тивность (долготерпение, бесстрашие, самообладание), можно объяснить молодостью испытуемых (от 17 до 34 лет).

И.А. Ильин пишет: «Для русских – это к единству с другими, ко всему, что ведет к братским отношениям не только с друзьями и близкими, но и с другими народами. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать во внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России». Люди связываются в единую нацию и создают единую родину именно в силу подобия их духовного уклада; а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности – внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности), и внешней (природа, климат, соседи)». Подлинным проявлением национальных особенностей является творчество. «...И вот в этом творчестве, и особенно в духовном творчестве, каждый народ имеет свои специфические особенности, образующие его национальный духовный уклад...» [1, с. 229]. Следствием этого закона является принцип духовного единства разных народов и культур. «Каждый народ вынашивает и осуществляет в своей истории душевно-духовные акты особого национального строения, которые и придают всей его культуре своеобразный характер <...>. Каждое духовное достижение народа является единым, общим для всех очагом, от которого размножается, не убывает, огонь духовного горения. Так народы слагаются в своеобразные единства...».

И.А. Ильин очень глубоко прочувствовал и проанализировал тот факт, что настоящий патриотизм, укорененный в духе, и только подлинная свободная любовь являются условием «дружбы народов», а интернационализм, изначально отрицающий национальное своеобразие, – это путь к национальным основаниям [1, с. 226].

Литература

1. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005. – 332 с.
2. Климов Е.А. Общечеловеческие ценности глазами психолога-профессоведца // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – С. 5-14.
3. Шадриков В.Д. Духовные способности. – СПб., 1997. – 124 с.

Базарова Долгор Раднанимаевна – аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: monsonova@rambler.ru

Bazarova Dolgor Radnanimayevna – postgraduate student of age and pedagogical department of Buryat State University (Ulan-Ude). E-mail: monsonova@rambler.ru

УДК 159.9.072

А.И. Комарова

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье представлены теоретические подходы к изучению социального и эмоционального интеллекта, показаны многоуровневая структура эмоционального интеллекта, влияние культуры на выраженность качественных и количественных проявлений составляющих данного конструкта.

Ключевые слова: социальный интеллект, эмоциональный интеллект, внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, культура, кросскультура.

A.I. Komarova

SOCIAL AND EMOTIONAL INTELLIGENCE: CROSS-CULTURAL RESEARCH

The article presents the theoretical approaches to study of social and emotional intelligence; multilevel structure of emotional intelligence, the influence of culture on expression of qualitative and quantitative manifestations of this construct components are shown.

Keywords: social intelligence, emotional intelligence, intrapersonal and interpersonal emotional intelligence, culture, cross-culture.

Одной из задач кросскультурной психологии является изучение специфики культуры того или иного народа, которую легче узнать через изучение национальных и культурных различий. Эти проблемы в последние годы вызывают все больший интерес исследователей, который объясняется расширением международных контактов, разработкой новых подходов в изучении этнопсихологических феноменов и т.д.

В современной кросскультурной и этнической психологии культура рассматривается как независимая переменная, влияющая на поведение человека, как общий контекст, на фоне которого осуществляется поведение личности, как фактор, опосредующий и определяющий взаимосвязи между другими переменными. Понятие «культура» относится не только к материальным (пища, одежда) и социальным (организация и структура общества) явлениям, но и к индивидуальному поведению. Культура и социальная среда, в которой воспитывается индивид, играет значительную роль в его становлении. Влияние культуры проявляется в процессе общения и взаимодействия как с представителями своей, так и с представителями другой культуры.

Р. Линтон понимает культуру как совокупность форм поведения, которые выступают общими для большинства членов общества и усваиваются ими в процессе обучения [13]. Ученый разделял культуру на «внешнюю», включающую поведенческие аспекты, доступные для наблюдения, и «скрытую», в которую входят установки, ценности, эмоции.

Один из подходов к рассмотрению национальных культур был предложен Р.Д. Льюисом, который рассматривал моноактивные (немцы, швейцарцы), полиактивные (итальянцы, латиноамериканцы, арабы) и реактивные культуры (китайцы, японцы, финны). Россия, по мнению Р.Д. Льюиса, в большей степени относится к странам с полиактивной культурой. Реактивными культурами являются общества, «придающие наибольшее значение вежливости и уважению, предпочитающие молча и спокойно слушать собеседника, осторожно реагируя на предложения другой стороны» [9]. Каждая из перечисленных групп обладает особым стилем сбора информации: моноактивные культуры опираются, прежде всего, на формализованные информационные системы, полиактивные – на впечатления от личных встреч и данные, полученные во время беседы; реактивные культуры используют комбинацию этих двух стилей.

В кросскультурной психологии для классификации культур чаще всего употребляют понятие «измерение культур» (Г.Хофстеде) [17].

Под «измерением культуры» Г. Хофстеде подразумевает определенные аспекты культуры, или образцы поведения, концентрирующиеся вокруг решения определенной проблемы и которые могут быть измерены по отношению к другим культурам. Г. Хофстеде ввел балльную шкалу в каждое из измерений, что позволило ему дать количественную характеристику каждой из стран.

По Г. Хофстеде, одну культуру от другой отличают пять «культурных измерений»:

1) «индивидуализм – коллективизм» – этот параметр исследователями выделяется как главный критерий оценки культуры. «Коллективистские» общества характеризуются крепкими связями между индивидуумами, преобладанием групповых интересов. «Индивидуалистические» общества обладают слабыми социальными рамками, человек в большей мере концентрируется на своих интересах и интересах своей семьи, каждому необходимо ориентироваться на свой личный успех. Нам представляется, что в «коллективистских» культурах для успешной коммуникации необходимо более глубокое понимание эмоционального состояния окружающих, чем это требуется в «индивидуалистических» культурах. Русскую культуру целесообразно причислить к культурам коллективистского типа – рейтинг индивидуализма в России в рамках исследования Г.Хофстеде составляет 39;

2) «дистанция власти» – данное культурное измерение указывает на степень централизации власти и стиль руководства, измеряет степень неравномерности распределения власти от малой дистанции (0 баллов) до большой (100 баллов). Для обществ с высокой дистанцией власти характерен жесткий стиль управления, более конформное поведение и авторитарные установки. В культурах данного типа подчеркивается неравенство в статусе, поощряются исполнительность и обязательность. Г.Хофстеде отмечал, что коллективизм страны свидетельствует о большой дистанции власти, но индивидуализм не всегда означает малую дистанцию власти. В России отмечаются высокие показатели по измерению «дистанция власти» (95 баллов). В российской культуре существование дистанции между руководителями и сотрудниками организации считается нормальным явлением, хотя в настоящее время в организациях намечается снижение авторитарности по отношению к подчиненным;

3) «избегание неопределенности» – это измерение описывает пределы, в которых общество чувствует опасность неопределенной и многозначной ситуации и старается ее избежать. В странах с вы-

сокой степенью избегания неопределенности индивиды демонстрируют повышенное беспокойство, волнение, агрессивность, эмоциональность, бояться инноваций, перемен, предпочитают хорошо структурированные ситуации и пытаются обеспечить безопасность, вырабатывая правила и законы и т.д. В обществах со слабым неприятием неопределенности люди легко принимают мнения, отличные от их собственных, поскольку не видят в них никакой угрозы, спокойно относятся к рискам, толерантны к не свойственным им моделям поведения и мнениям. Рейтинг этого измерения для России – 90 баллов, однако исследователи отмечают, что среди молодого поколения России степень избегания неопределенности понижается;

4) «мужественность – женственность» – с помощью этого культурного измерения оценивается степень ориентированности общества на успех и решение задач, оно показывает, насколько выражено разделение ролей в обществе, каково отношение в обществе к ценностям, которые ассоциируются с ролью мужчины (конкуренция, самоуважение, успех) и с ролью женщины (комфорт, забота о других, солидарность). Общества с жестким разделением социальных ролей между полами Г.Хофстеде обозначил «мужественными», а общества со слабым разделением – «женственными». Важное место в системе ценностей «мужественных» обществ занимают желание быть на виду, результативность, нацеленность на результат. Для «женственных» обществ характерны ценности, которые традиционно относят к женским: скромность, забота о качестве жизни, охрана окружающих, человеческие взаимоотношения. Данное измерение, обозначенное для России, отмечается средним показателем (40 баллов), но со смещением в сторону «женственности»;

5) «краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее» – это ориентированность на решение стратегических, долгосрочных целей, желание заглядывать в будущее. Для культур с высокими показателями этого измерения характерны уверенность и упорство в достижении целей, расчетливость, стойкость, ориентация на долгосрочное видение будущего. Для культур с низкими значениями свойственно выполнение социальных обязательств, приверженность традициям. Для России по данному измерению характерны низкие баллы (10 баллов).

Нам представляется, что культуры стран со сходными параметрами «культурных измерений» имеют свои специфические отличия, что проявляется в использовании разных моделей взаимодействия, преобладании различных систем ценностей.

Культура проявляется в ритуалах, традициях, стратегиях поведения, средствах коммуникации, которые используются в процессе взаимодействия. На эти характеристики влияют определенные культурные ценности, которые задают образцы и стандарты поведения. Например, Ю.М. Лотман предложил две модели передачи информации в системе культуры [8]: направление «Я–ОН» (предполагает, что до начала акта коммуникации некоторое сообщение известно «мне» и неизвестно «ему») и направление «Я–Я» (субъект передает сообщение самому себе, то есть тому, кому оно уже и так известно). Различия сводятся к тому, что в системе «Я–ОН» информация перемещается в пространстве, а в системе «Я–Я» – во времени.

Ю.М. Лотман выделяет культуры, в которых доминирует сообщение, передаваемое по каналу «Я–ОН», и культуры, ориентированные на автокоммуникацию сообщения «Я–Я». Европейская культура Нового времени, по мнению Ю.М.Лотмана, ориентирована на систему «Я–ОН», что приводит к разделению общества на передающих и принимающих, возникновению психологической установки на получение истины в качестве готового сообщения, росту социальной пассивности тех, кто находится в позиции получателей сообщения. Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, способны развивать большую духовную активность, однако часто оказываются значительно менее динамичными, чем этого требуют нужды человеческого общества.

Исходя из вышесказанного, нам представляется возможным сделать предположение о специфическом влиянии культуры на эмоциональную составляющую мыслительной деятельности.

Еще в 1908 г. немецкий философ и психолог Г. Майер выделил наряду с «судящим» (рассуждающим, собственно логическим) мышлением такие виды интеллектуальной деятельности человека, которые тесно связаны с его эмоциональной и мотивационной сферами («эмоциональное», «аффективное» мышление и др.).

Ученые, изучающие это явление, в разное время называли его проявления по-разному – «интеллектуализация аффекта», «обобщение переживаний» (Л.С. Выготский) [1], «эмоциональное воображение» (А.В. Запорожец) [4], «разумность чувств» (В.С. Мухина) [14], «эмоциональная компетентность» (А.Л. Журавлев) [3]. Экспрессивные выразительные компоненты поведения человека, связанные с деятельностью и общением, исследовал С.Л. Рубинштейн [6].

Одним из конструктов, связанных со способностями в области понимания социальных взаимодействий и внутриличностных процессов, объясняющих поведение с учетом специфики конкретных культур, является эмоциональный интеллект.

Идея эмоционального интеллекта возникла из понятия социального интеллекта, которое разрабатывалось Э. Торндайком, Дж. Гилфордом, Г. Айзенком. Х. Гарднер описал внутриличностный и межличностный интеллект [11]. Способности, включенные им в эти понятия, имеют непосредственное отношение к эмоциональному интеллекту.

Проведя анализ теоретических подходов, можно выявить частичное отождествление понятий «эмоциональный» и «социальный» интеллект, что связано с выделением в структуре эмоционального интеллекта ряда способностей социально-коммуникативной направленности, таких как: способность к перцептивно-интерпретативному распознаванию эмоций в межличностном контексте (Дж. Майер, П. Салоуэй, Д. Карузо), социальные навыки, осознание социальных взаимодействий (Д. Гоулман), социальные и эмоциональные компетентности, обеспечивающие взаимодействие с окружающими людьми и совладание с различными жизненными ситуациями (Р. Бар-Он), когнитивные способности и личностные характеристики (Д.В. Люсин) [18, 2, 16, 12] и т.д. Вместе с тем выделенные способности также соответствуют традиционному пониманию социального интеллекта как совокупности ментальных способностей, связанных с обработкой социальной информации и способствующих успешности межличностного взаимодействия. Д. Гоулман не только включил понятие «эмоциональный интеллект» в структуру социального интеллекта, но и предложил рассматривать его как важный компонент лидерских способностей.

В рамках исследовательского подхода Д.В. Люсина [11] рассматривается внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) и межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ). Понимание и управление своими эмоциями, контроль экспрессии сегодня обозначается как внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ), а понимание и управление чужими эмоциями – как межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ). И те, и другие эмоции подвержены влиянию культуры, но эмоции, направленные на окружающих, характеризуются более значительными межкультурными различиями, чем эгоцентрические эмоции [15]. Мы предполагаем, что эмоциональный интеллект у представителей различных культур значимо отличается по уровню развития и специфическому вкладу различных компонентов ВЭИ и МЭИ в общую структуру эмоционального интеллекта.

Ранее нами было выявлено, что уровень развития эмоционального интеллекта определяется развитием социального интеллекта, при этом последний влияет на МЭИ и его компоненты, но не определяет уровень развития ВЭИ. Иными словами, МЭИ и ВЭИ являются составляющими эмоционального интеллекта и, в свою очередь, социального интеллекта, влияя на их развитие специфическим образом (рис. 1). При равных показателях МЭИ и ВЭИ вклад их компонентов может различаться. Социальный интеллект направлен на сферу межличностного общения в целом, эмоциональный – исключительно на сферу эмоционального общения. Для социального интеллекта коммуникация является целью, для эмоционального – стимулом [5].

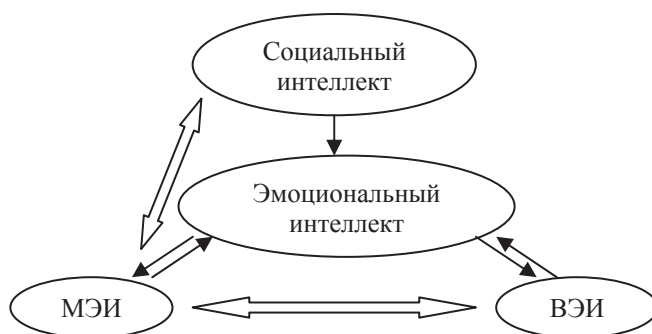

Рис.1. Взаимосвязь социального интеллекта с компонентами ЭМИн

В качестве объектов нашего исследования мы выбрали представителей русской и китайской культуры. Выбор китайской культуры обусловлен тем обстоятельством, что экономические и культурные контакты между Россией и Китаем увеличиваются с каждым годом. И Россия, и Китай относятся к странам «догоняющего развития», которым для развития инновационной экономики предстоит преодолеть так называемый «культурный барьер». Этот «культурный барьер», по мнению Н.М. Лебеде-

вой, сходен в обеих странах [7]: бюрократия, слабость правовой системы, родственные и личные связи, авторитаризм, коррупция и др. Подобные социокультурные особенности проистекают из веками складывающихся ценностных приоритетов, отражавших реалии аграрной экономики и авторитарной модели правления.

Культуры обеих стран исторически складывались как «коллективистские», рейтинг индивидуализма России и Китая, в рамках исследования Г.Хофстеде, составляет соответственно 39 и 20. Изучение обозначенной проблемы проводилось с использованием следующих методик: Тест Дж. Гилфорда «Социальный интеллект» и «Опросник ЭмИн» [10]. Объектом исследования стали 60 русских и 60 китайских студентов в возрасте 20-22 года. Для китайских студентов «Опросник ЭмИн» был переведен на китайский язык с последующей проверкой, которая осуществлялась путем обратного перевода.

Обработка полученных результатов проводилась при помощи пакета SPSS 13.0, в результате которой были выявлены различия по следующим показателям:

- результаты теста Дж. Гилфорда свидетельствуют о более высоких показателях социального интеллекта у русских студентов по сравнению с китайскими ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о том, что они лучше ориентируются в невербальном общении, предсказывают, как человек поведет себя в дальнейшем, грамотнее достраивают недостающие звенья в цепи взаимодействий, используя логические рассуждения;
- по опроснику «ЭмИн» выявлено значительное преобладание показателей ВЭИ над МЭИ ($p \leq 0,001$) у китайцев, в то время как у русских они идентичны;
- при равнозначных значениях показателей ВЭИ у русских и китайских студентов показатели МЭИ у русских испытуемых выше, чем у китайских ($p \leq 0,001$);
- анализ составляющих ВЭИ свидетельствует о более высоком уровне развития контроля экспрессии у китайцев по сравнению с русскими ($p \leq 0,05$);
- у русских студентов показатели «управление эмоциями» и «понимание эмоций» не различаются между собой, у китайцев показатели «управление эмоциями» существенно преобладают над показателями «понимание эмоций» ($p \leq 0,001$).

Проведенное кросскультурное исследование подтверждает нашу гипотезу, во-первых, о специфическом влиянии культуры на эмоциональную составляющую, а, во-вторых, о независимости ВЭИ и о взаимовлиянии социального интеллекта и МЭИ.

Можно предположить, что толерантность китайцев объясняется способностью контролировать экспрессию и управлять, в первую очередь, своими эмоциями, не всегда при этом понимая эмоции других людей. Вряд ли здесь может идти речь о нравственной толерантности, о принятии и доверии, скорее всего, здесь можно говорить о «непроявлении нетерпимости», о моральной толерантности.

Полученные результаты укладываются в «концепцию лица», из которой следует, что слова и дела у китайцев часто не совпадают, главное для китайца – исполнение своей роли, создание о себе положительного впечатления. Что касается русских, то описанные проявления эмоций, характерные для обществ с сильным неприятием неопределенности, можно объяснить низкими по сравнению с китайцами проявлениями показателей «контроль экспрессии» ($p \leq 0,001$).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сходство и различие «культурных измерений» может быть обусловлено различиями в эмоциональном интеллекте, где каждый его компонент вносит свой специфический вклад в культурную специфику индивидуального поведения.

Нами выявлено, что в количественном плане эмоции, направленные на окружающих (МЭИ), подвержены большему влиянию культуры, однако, с эгоцентрическими эмоциями (ВЭИ), в результате этого влияния происходят качественные изменения.

Нам представляется, что в основе указанных специфических особенностей лежат динамические мотивационные противоречия (термин С.Шварца), различия в рейтингах «культурных измерений», в принадлежности той или иной культуры к моноактивным, полиактивным или реактивным культурам, а также в ориентированности культуры на «Я-ОН» или «Я-Я» сообщения. Таким образом, культурное многообразие проявляется не только в социальном, но и в эмоциональном интеллекте.

Полученные результаты имеют большое значение для межкультурного взаимодействия, они должны учитываться в процедурных моментах организации и проведения переговорного процесса, в исследовании и оценке организационных культур, в развитии кросскультурной компетенции современных менеджеров.

Литература

1. Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
2. Гоулман Д., Боядис Р., Маки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 301с.
3. Журавлев А.Л. Влияние коммуникативных качеств личности руководителя на эффективность руководства коллективом // Психология личности и образ жизни / под ред. Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1987. – 219 с.
4. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. Т.1. Психическое развитие ребенка. – М.: Педагогика, 1986. – 320с.
5. Кузнецова А.И. Социальный и эмоциональный интеллект: общее и особенное // Ломоносов-2009 (Москва, 9-10 апреля 2009 г.): материалы докл. XVI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «Психология». – М.: МАКС Пресс, 2009. – С.376-378.
6. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
7. Лебедева Н.М. Ценности и отношения к инновациям российских, канадских и китайских студентов // Психология в экономике и управлении. – 2010. – № 2. – С.59.
8. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. – Т1. – Таллинн: Александра, 1999. – С.76
9. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 1999. – 440 с.
10. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С.3-22.
11. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. – М., 2000. – С.29-39.
12. Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2004. – С.129-140.
13. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 17.
14. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 1999.
15. Рейковский Я. Эмоции как процесс, организующий поведение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flogiston.ru/library/reic2>
16. Bar-On, R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) [Text] // Psicothema. – 2006. – №18. – P.13-25
17. Hofstede, G. Cultural Dimensions [Электронный ресурс]. URL: http://www.geert-hofstede.com/hofstede_dimensions.php
18. Salovey, P. Emotional Intelligence [Text] // Imagination, Cognition and Personality. – 1990. – № 9. – P. 185-211.

Комарова Алина Игоревна – аспирант Волгоградской академии государственной службы (г. Волгоград). E-mail: kalinka34@mail.ru

Komarova Alina Igorevna – postgraduate student of Volgograd Academy of Public Administration (Volgograd). E-mail: kalinka34@mail.ru

УДК 628.3

О.В. Волкова

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЛЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА: НОЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

В статье рассматриваются возрастные и личностные особенности подростков, получающих профессиональное образование (в вузе). В качестве одной из особенностей данного возраста отмечено снижение уровня развития волевой составляющей личности, что обуславливает ряд проблем, касающихся познавательной, трудовой и коммуникативной активности подростка. Определено одно из направлений изучения воли подростка-студента – исследование ее ноэтического компонента.

Ключевые слова: возрастные особенности, подросток, студент, воля, ноэзис, личность, активность, высшее учебное заведение, волевые качества личности.

O.V. Volkova

FORMATION OF STUDENT'S PERSONALITY VOLITION: NOETIC COMPONENT

The article describes age and personal peculiarities of teenagers getting professional education. One of them is the decreasing of development level of personal will-power, it determines the list of problems in cognitive, labor and communicative activities of teenager. The noetical component is suggested to be a way for investigation teenagers' will-power.

Keywords: age peculiarities, teenager, student, will-power, noesis, person, activity, higher educational institution, personal will features.